

ШАЛЕКЕНОВ М.У.

О СЕБЕ И О НАУКЕ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА КАЗАХСТАНА.
ЭТНОГРАФИЯ КАЗАХОВ.

Отырар
•
Сауран
•
Сыгнак
•
Баласагун

ИССЛЕДОВАНИЯ. НАСЛЕДИЕ. ИДЕНТИЧНОСТЬ.
ПОИСК ИСТИНЫ В ПРОШЛОМ –
ВО ИМЯ БУДУЩЕГО.

*Духовный опыт –
наследие для будущих поколений.*

Мурат Шалекенов

О себе и о науке

<https://litres.ru/74073464>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга Шалекенова М.У. «О себе и о науке» посвящён жизни выдающегося казахстанского учёного, археолога и историка Уахита Хамзиновича Шалекенова. Произведение основано на реальных событиях его биографии, воспоминаниях родственников, архивных документах и исторических материалах. На фоне масштабных событий XX века — коллективизации, голода 1930-х годов, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления страны — раскрывается судьба человека, прошедшего через тяжёлые испытания и сумевшего стать одним из известных исследователей истории и культуры Казахстана. Особое место в романе занимает родная земля героя — Нарынкум, где сформировались его характер, трудолюбие и любовь к истории своего народа. Автор показывает не только жизненный путь Уахита Шалекенова, но и судьбы целого поколения людей, сохранивших человеческое достоинство, верность традициям и стремление к знаниям в самые трудные годы. Книга представляет интерес для широкого круга читателей, интересующихся историей.

Мурат Шалекенов

О себе и о науке

От автора читателям

Дорогие читатели!

Перед вами не просто книга о жизни одного человека. Это история целого поколения людей, чья судьба выпала на самые трудные десятилетия XX века — годы коллективизации, голода, войны и послевоенного восстановления страны.

Работая над этой книгой, я стремился не только рассказать о жизненном пути моего отца — Шалекенова Уахита Хамзиновича, но и сохранить память о людях, которые жили рядом с ним, трудились, любили, теряли близких, преодолевали испытания и несмотря ни на что сохраняли человеческое достоинство.

Многие события, описанные в романе, основаны на воспоминаниях самого Уахита Хамзиновича, рассказах родственников, архивных документах и исторических материалах. Однако это не документальное исследование, а художественное произведение, в котором реальные факты соединены с литературным повествованием, позволяющим глубже почувствовать дух времени и переживания героев.

Особое место в книге занимает родная земля героя — Нарынкум. Именно здесь сформировался характер будущего учёного, именно здесь он впервые услышал рассказы о про-

шлом своего народа, которые впоследствии определили всю его жизнь и привели в большую историческую науку.

Я искренне надеюсь, что эта книга будет интересна не только тем, кто знал Уахита Хамзиновича лично, но и всем читателям, которым дороги история Казахстана, память о предках и судьбы простых людей, сумевших сохранить честь, доброту и веру в будущее в самые тяжёлые времена.

Память о человеке живёт до тех пор, пока о нём помнят. Если после прочтения этой книги вы вспомните своих родителей, дедов и прадедов, задумаетесь о пройденном ими пути и почувствуете связь поколений, значит, моя работа была не напрасной.

С глубоким уважением и благодарностью к своим родителям, учителям и всем людям, сохранившим для нас память прошлого,

Шалекенов Мурат Уахитович

Автор романа «О себе и о науке»

Глава 1.

Земля предков

Нарынкум лежал под бескрайним небом, словно огромное золотистое море. Волны песчаных барханов уходили за горизонт, где дрожал горячий воздух и плавился солнечный свет. Здесь не было шумных рек и густых лесов. Здесь чело-

век с детства учился понимать землю, ветер и цену каждого глотка воды.

В одном из зимовий, затерянных среди песков, стоял дом Шалекена.

Старик Шалекен был известен во всей округе как человек мудрый и набожный. Его уважали за справедливость, за знание старинных обычаев и за умение мирить поссорившихся людей.

Когда по вечерам соседи собирались у очага, Шалекен неторопливо поглаживал седую бороду и говорил:

— Человек живёт не только для себя. После него должны остаться добрые дела, честное имя и дети, которые не забудут своих предков.

Рядом сидел его сын Хамза.

Высокий, крепкий, трудолюбивый, он с детства привык к тяжёлому труду. Весной пас табуны, летом косил траву, осенью заготавливал корм для скота, а зимой ухаживал за овцами и верблюдами.

Однажды вечером Шалекен посмотрел на сына и сказал:

— Хамза, времена меняются. Но помни: пока человек помнит свой род, он не потеряется в жизни.

— Помню, отец, — ответил Хамза. — Всё, чему ты меня научил, передам своим детям.

Шалекен кивнул.

Он ещё не знал, что среди этих детей вырастет мальчик, которому суждено будет стать известным учёным и посвя-

тить жизнь истории своего народа.

Хамза женился на Капизе.

Капиза была женщиной необыкновенной судьбы. Для своего времени она была образованной и грамотной. Она умела читать, знала множество народных преданий, сказаний и легенд. Родом она была из уважаемого рода, происходившего от Кулсуйиндыка. В её памяти хранились рассказы стариков, родословные предания и песни, которые передавались из поколения в поколение.

По вечерам дети собирались возле неё.

— Ана, расскажи про батыров, — просила маленькая Кабира.

— Про Исатая расскажи, — добавлял Уахит.

— И про Махамбета! — подхватывала Набира.

Капиза улыбалась.

— Хорошо, слушайте внимательно. Историю своего народа должен знать каждый человек. Народ, забывший прошлое, теряет будущее.

Дети замолкали.

Особенно внимательно слушал Уахит.

Он ещё не понимал, что именно эти вечера станут первыми уроками будущего историка.

Первой в семье родилась Кабира.

Это произошло в 1917 году — в год революции и великих потрясений.

Через три года появился мальчик, которому дали имя

Хабделуахит.

Со временем длинное имя сократилось.

Все стали называть его просто Уахитом.

Спустя несколько лет родилась Набира.

Дети росли среди песков Нарынкума.

Нарынкум был суровым, но щедрым краем.

Здесь не было рек, зато почти в каждом понижении можно было выкопать колодец и добыть пресную воду. Здесь росли кумаршик, жынгыл, терек, кияк и множество других растений, кормивших людей и скот.

Весной степь оживала.

Летом воздух дрожал от жары.

Осенью барханы становились золотыми.

Зимой над песками гуляли бураны.

Семья жила в просторном саманном доме.

Окна выходили на юг.

Позади дома располагались большие загоны для скота.

Рядом находился колодец.

Хамза держал верблюдов, овец, несколько коров и лошадей.

По меркам того времени семья считалась середнячком.

Не богатой, но и не бедной.

Уахит очень любил ходить с отцом.

Однажды ранним утром Хамза собрался проверять отару.

Мальчик выбежал вслед за ним.

— Отец, возьми меня с собой!

— Куда тебе?

— За овцами.

— Ты ещё маленький.

— Нет, уже большой.

Хамза рассмеялся.

— Большой? Ну тогда скажи, где север?

Уахит поднял руку.

— Вон там.

— А где юг?

— Там, где солнце.

Хамза улыбнулся.

— Ладно. Поехали.

Весь день они провели в степи.

Мальчик смотрел на бесконечные просторы и задавал вопросы.

— Отец, а почему люди живут здесь?

— Потому что это наша земля.

— Но здесь трудно.

— Легко нигде не бывает. Здесь жили наши предки. Здесь похоронены наши деды. Здесь наша история.

Мальчик задумался.

Эти слова он запомнил на всю жизнь.

Позднее, став историком, он часто вспоминал разговор с отцом среди песков Нарынкума.

По вечерам в доме собирались соседи.

Пили чай.

Обсуждали хозяйство.

Вспоминали старину.

Говорили о восстании Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова.

Особенно любил такие беседы дед Шалекен.

Он рассказывал о временах, когда народ боролся за свою свободу.

— Махамбет был не только батыром, — говорил старик.

— Он был голосом народа. Его песни до сих пор живут среди людей.

— А ты видел Махамбета? — однажды спросил Уахит.

Старик улыбнулся.

— Нет, балам. Но люди, которые видели его, ещё жили в моей молодости. Их рассказы я слышал своими ушами.

— Значит, это правда?

— Правда.

— А почему люди до сих пор помнят его?

Шалекен внимательно посмотрел на внука.

— Потому что память сильнее времени.

Мальчик долго думал над этими словами.

Он ещё не знал, что однажды сам посвятит свою жизнь изучению памяти народа.

Дед очень любил старшего внука.

Часто брал его с собой.

Посадит рядом на верблюда или на лошадь и едет по своим делам.

— Запоминай всё, что видишь, — говорил он. — Мир быстро меняется.

— А зачем запоминать?

— Чтобы потом рассказать другим.

— А если забуду?

— Тогда история умрёт.

Уахит серьёзно кивал.

Шалекен не подозревал, что говорит с будущим доктором исторических наук.

Годы шли.

Нарынкум жил своей привычной жизнью.

Люди пасли скот.

Строили зимовья.

Копали колодцы.

Собирали кумаршик.

Охотились на зайцев и лисиц.

Праздновали свадьбы.

Провожали в последний путь стариков.

Казалось, так будет всегда.

Но над страной уже сгущались тучи.

До Нарынкума постепенно доходили слухи о новой власти.

Говорили о коллективизации.

О конфискации скота.

О новых порядках.

Старики качали головами.

— Не к добру это, — говорил Шалекен.

— Почему? — спрашивал Хамза.

— Потому что нельзя отнимать у человека то, что он заработал своим трудом.

— Может, всё обойдётся?

Шалекен тяжело вздыхал.

— Хотелось бы верить...

Но беда уже приближалась.

Очень скоро в судьбу семьи войдут голод, потери и тяжёлые испытания.

Очень скоро маленькому Уахиту придётся забыть о беззаботном детстве.

Очень скоро он увидит смерть, сиротство и человеческое горе.

Но пока над Нарынкумом поднималось солнце.

Шалекен выходил на крыльцо и смотрел на степь.

Хамза готовился к работе.

Капиза разливала чай по пиалам.

Кабира помогала матери.

Набира играла возле дома.

А маленький Уахит, босоногий мальчишка с любопытными глазами, всматривался в далёкий горизонт, словно уже тогда чувствовал, что его судьба будет связана с историей своего народа.

Глава 2.

Тишина, которая ещё не знала беды

Но пока над Нарынкумом стояло раннее, почти прозрачное утро, и степь ещё не знала той тяжести, что вскоре ляжет на неё, как пыльный и неподъёмный ковёр, жизнь в ауле текла спокойно, почти неторопливо, будто время ещё не решилось ускорить свой ход и бережно удерживало людей в коротком мгновении мира.

Воздух был чист и звенел тишиной, в которой слышался каждый звук — скрип крыльца, плеск воды в чайнике, тихий разговор взрослых и детский смех, словно сама жизнь ещё не подозревала, насколько хрупкой она бывает. Шалекен стоял у двери, опершись о косяк, и долго смотрел вдаль, туда, где небо встречалось с землёй без границ и без обещаний. В его взгляде была привычная степная уверенность, но в последние годы в ней всё чаще появлялась усталость, похожая на тихое, не высказанное беспокойство.

Хамза уже готовился к работе. Он проверял упряжь, затягивал ремни, прислушивался к привычным звукам хозяйства, и в каждом его движении чувствовалась собранность человека, для которого труд — единственная опора в меняющемся мире. Он не говорил лишнего, но понимал: времена становятся другими, и земля уже не всегда отвечает человеку так, как прежде.

Капиза, аккуратно держа пиалу, разливала чай так, как делала это всегда — спокойно, бережно, будто сам этот ритуал мог удержать дом от тревог и бед. В её молчании жила материнская забота, мягкая и устойчивая, но в глубине глаз уже

появлялось то едва заметное напряжение, которое не исчезает даже в самые светлые утра.

Кабира помогала матери и всё чаще задерживала взгляд на младших, будто заранее училась быть старше, чем позволял ей возраст. В её движениях появлялась сдержанность, ещё детская, но уже окрашенная будущей ответственностью — той, что приходит в семье не по времени, а по обстоятельствам.

Набира бегала у дома босиком, касаясь тёплой земли, и смеялась так легко и звонко, будто сама степь откликалась ей эхом. Её детство ещё не знало ни утрат, ни тяжёлых разговоров взрослых, и потому светилось особенно ярко, как короткий, чистый луч перед долгой тенью.

А маленький Уахит стоял чуть в стороне — босоногий мальчишка с внимательными, слишком серьёзными для его возраста глазами. Он смотрел туда, где горизонт дрожал от жары, и ему казалось, что за этой линией начинается что-то большое, ещё не названное, но уже существующее и медленно приближающееся.

Ему было около пяти лет, когда дед Шалекен однажды взял его за руку и так же тихо, как принимают важные решения в степи, отвёл в аульную школу — мектеб, к местному мулле. Вместе с ним пошла и Кабира. Деревянное здание мектеба стояло недалеко от аула, и внутри пахло бумагой, пылью и терпеливым временем, в котором дети впервые соприкасались с миром букв и смысла.

Мулла был строг, но не жесток. Его голос звучал ровно, размеренно, как будто он сам давно стал частью текста, который читал ученикам. Здесь начиналось их первое серьёзное обучение — чтение Корана, первые попытки понимать арабские буквы, выводить их медленно, старательно, словно каждый знак требовал уважения и сосредоточенности.

Шли годы. К шести, а может и к семи годам Уахит уже свободно читал арабский текст и не просто произносил слова, но понимал прочитанное, будто смысл сам открывался ему за строками. У него была редкая для ребёнка усидчивость и внимательность, и мулла не раз задерживал на нём взгляд, отмечая про себя его спокойную уверенность.

Кабире наука давалась труднее. Она старалась, повторяла, ошибалась и снова начинала, но буквы не всегда поддавались ей так легко, как брату. Однако в её упорстве была своя сила — тихая, не демонстративная, но стойкая, как степная трава, которая выживает даже в суровую засуху.

Помимо Корана, мулла учил своих учеников и арифметике. Простые числа, сложение и вычитание постепенно становились частью их мира, и в этих занятиях, между строгими строками и тихими голосами детей, рождалось первое понимание порядка — того, что мир можно не только чувствовать, но и считать, измерять, осознавать.

И пока дети выводили буквы и числа, пока над аулом всё ещё стояла тишина, не знавшая своей будущей боли, никто ещё не мог представить, как быстро изменится эта жизнь и

как рано Уахиту придётся понять то, о чём степь пока только молчала.

Глава 3.

Пришлые слова и новые порядки

В аул приехал уполномоченный из города — человек в длинном пальто, с прямой спиной и уверенной походкой, будто он приносил с собой не только документы, но и саму власть, которой здесь привыкли подчиняться не сразу, а через тишину и сомнение.

Он говорил быстро, резко, на языке, который Уахит не понимал совсем, как не понимали его и многие взрослые. Звуки казались чужими, ломаными, словно не принадлежали этой степи и не хотели в неё вписываться. Люди переглядывались, ловили отдельные слова, но смысл ускользал, как вода сквозь пальцы.

Рядом с уполномоченным стоял казах — переводчик. Он говорил уже по-родному, но и его голос звучал иначе, осторожнее, будто он боялся не слов, а их последствий. Именно через него аульчане впервые услышали то, что изменило их жизнь.

Коллективизация.

Слово повисло в воздухе тяжёлым, незнакомым камнем. Переводчик объяснял дальше: весь скот должен быть обобществлён, передан в колхоз. Не оставлять в частных руках, не делить между семьями — всё в общее хозяйство, под единое управление.

Сначала люди молчали. Потом начали шептаться. Потом кто-то попытался возразить, но голос утонул в общей растерянности.

Вскоре пришли люди, которые начали переписывать скот. Бараны, коровы, лошади — всё, что было трудом многих лет, уходило в новое, непонятное «общее». У семьи Шалекена забрали почти всё. Оставили только хромую лошадь и подслеповатую корову — как будто самую бедность оставили в знак формальности.

Шалекен не спорил громко. Он вообще редко говорил на людях. Но решение его было твёрдым: в колхоз он не пойдёт. Не потому, что не понял сказанного — наоборот, понял слишком хорошо. Просто не принял.

И с этого момента их жизнь начала меняться окончательно.

Вместо прежнего уклада появился другой — суровый и молчаливый. А Шалекен, оставшись вне колхоза, повёл свою семью по иному пути. Он взял с собой старшего внука Уахита и занялся охотой.

Нарынкумы в те годы были щедры на зайцев. Степь будто компенсировала людям утраты, давая хотя бы возможность выжить. Шалекен учил Уахита тому, чему сам научился от жизни: ставить капканы, выбирать место, класть приманку так, чтобы зверь не почуял подвоха, и главное — уметь исчезать так же тихо, как появился.

— В степи главное не сила, — говорил он негромко, — а

терпение и след.

Уахит слушал внимательно. Его детские глаза становились всё серьёзнее. Он учился не только ловить добычу — он учился понимать тишину.

Так прошла первая зима коллективизации.

Холод был густым, долгим, как будто сама земля замерла в ожидании. Люди жили по-новому, но не привыкли к новому миру. Где-то рядом появлялись разговоры о планах, отчётах, обязанностях, но в домах по-прежнему главным оставался хлеб — или его отсутствие.

Глава 4.

Дорога на хромой лошади

Но память о той зиме ещё не успела остыть, а жизнь уже требовала новых решений, новых дорог и новых встреч, в которых радость и горечь шли рядом, не различая, где начинается одно и заканчивается другое.

Хромая лошадь, оставшаяся у семьи Шалекена, стала теперь не просто частью хозяйства, а почти единственной опорой их передвижения. Она шла медленно, неровно, но упорно, будто сама понимала, что на ней держится не только дорога, но и связь между людьми, которые ещё пытались сохранить родственные узы в изменившемся мире.

Однажды утром, когда степь снова была прозрачной и холодной, Шалекен решил ехать в колхозный аул — к родственникам, вступившим в общее хозяйство. Он не любил пустых разговоров о прошлом, но понимал: родственные связи нельзя обрывать так же легко, как меняются порядки.

Он позвал Уахита.

Мальчик подошёл молча, без вопросов. В нём уже появлялась та внутренняя собранность, которая отличала его от сверстников. Он не просто слушал взрослых — он запоминал.

Они вышли рано. Шалекен осторожно запряг хромую лошадь, проверил упряжь, поправил седло. Два зайца, пойманные заранее, были аккуратно уложены в мешок — не как добыча, а как скромный дар, который ещё сохранял дух преж-

ней жизни.

— Поедем, — сказал он коротко.

И они тронулись в путь.

Дорога была неровной, тянулась через степь, которая зимой становилась особенно безмолвной. Снег скрипел под копытами, ветер резал лицо, и казалось, что мир сузился до этого движения — медленного, упрямого, почти бесконечного.

Уахит сидел рядом и смотрел вперёд. Он уже привык к тишине степи, но в этой поездке она была иной — более тяжёлой, как будто каждая верста несла в себе что-то невысказанное.

Хромая лошадь шла ровно, насколько могла. Иногда спотыкалась, но снова выравнивалась, и в этом было что-то похожее на их собственную жизнь.

К полудню они добрались до колхозного аула.

Уахит сразу почувствовал разницу.

Здесь не было той привычной живости, к которой он привык в своём ауле. Землянки низко прижимались к земле, дым из труб поднимался лениво, а люди двигались медленно, будто даже разговоры требовали от них лишних сил.

Шалекен молча остановил лошадь.

— Приехали, — сказал он тихо.

И они пошли дальше пешком.

Их встретили без лишних слов. Родственники узнали их сразу, но радость была сдержанной, осторожной, как будто

даже чувства здесь научились говорить тише.

И тогда Уахит увидел своего дядю.

Сначала он не понял, что это он.

Перед ним стоял человек, в котором почти не осталось прежних черт. Худоба сделала лицо резким, скулы выступили остро, глаза стали глубокими и усталыми, словно в них давно не было ни сна, ни покоя. Одежда висела свободно, а движения были медленными, как у человека, который тратит силы только на то, чтобы просто быть.

Шалекен остановился рядом, но ничего не сказал.

Дядя посмотрел на них и едва улыбнулся — не губами, а каким-то остатком памяти о прежней жизни.

— Приехали... — тихо произнёс он.

Пауза была долгой.

Потом он добавил почти шёпотом:

— Есть нечего... совсем.

Эти слова не были жалобой. Скорее — констатацией, как будто он уже давно принял этот порядок вещей и теперь просто сообщал о нём другим.

Уахит стоял молча.

Он смотрел на дядю и не мог понять, как человек может быть рядом с трудом и при этом оставаться без силы. Как можно жить и при этом выглядеть так, будто жизнь постепенно уходит, не спрашивая разрешения.

Шалекен опустил взгляд.

Он ничего не сказал сразу.

Только позже, уже возвращаясь к лошади, он долго смотрел в сторону колхозного аула, словно пытался запомнить то, что нельзя было исправить.

А хромая лошадь терпеливо ждала их у дороги, как будто знала: впереди будет ещё много таких поездок, где главное — не скорость, а то, что человек в конце пути всё ещё способен смотреть вперёд.

Глава 5.

Когда голод вошёл в дома

1931 год пришёл в Нарынкум не как время, а как испытание. Он не стучал и не предупреждал — просто однажды степь стала пустее, тише и тяжелее, чем прежде, будто сама земля начала уставать от людей, живущих на ней.

Сначала исчезла сытость, потом привычный покой, а затем и силы у тех, кто ещё вчера казался несломленным. Люди продолжали работать, ходить, говорить, но в их движениях появилось что-то медленное, обессиленное, как у путников, давно сбившихся с дороги.

В доме Шалекена это началось незаметно — с усталости, которую списывали на холод, с потери аппетита, которую объясняли трудным временем. Но болезнь, рожденная недоеданием, не отступала.

Капиза первой слегла.

Она ещё пыталась подниматься, разливать чай, следить за детьми, но руки её слабели с каждым днём, а голос становился всё тише. В её глазах уже не было прежнего спокойствия — только усталость, глубокая и тихая, как зимняя ночь без конца.

Уахит сидел рядом и не понимал, почему мать, которая всегда была рядом с домом, вдруг стала частью тишины, которую нельзя разбудить.

Однажды утром она уже не поднялась.

Смерть пришла без громких слов. Просто исчезло дыха-

ние, и дом, казалось, стал шире и холоднее одновременно.

Похороны прошли быстро, почти без слов. Люди не могли долго оставаться рядом с горем — у каждого было своё выживание, своя нехватка сил.

Следом за Капизой слёг дед Шалекен.

Он держался дольше. Смотрел в степь, молчал, иногда пытался подняться, но тело уже не слушалось. В нём оставалась только воля — старая, степная, упрямая, но и она постепенно уступала.

Он умер так же тихо, как жил в последние годы — будто просто ушёл в ту самую степь, которую так долго наблюдал с порога.

После этих потерь дом изменился окончательно.

Там, где раньше звучали голоса, теперь поселилась тишина, не похожая на утреннюю — тяжёлая, неподвижная, будто впитавшая в себя всё сказанное и несказанное.

Хамза, отец Уахита, понял: оставаться дальше в Нарынкуме невозможно.

Он собрал семью и принял решение переехать к родственникам матери — в Карабайлы. Это было не бегство, а попытка удержаться на краю жизни, найти место, где ещё можно было выжить.

Дорога снова стала частью их судьбы.

И снова всё приходилось начинать почти заново.

В Карабайлы жизнь была другой — теснее, шумнее, но всё так же трудной. Родственники приняли их, но каждый день

здесь тоже был борьбой за хлеб, за тепло, за возможность просто прожить ещё один день.

Маленькая жизнь принесла в дом редкие моменты света, но они не могли полностью перекрыть тяжесть утрат и перемен, через которые уже прошли все.

А затем Хамза снова уехал.

Он отправился в Астрахань, на заработки, записавшись в рыболовецкую артель. Это было решение человека, который понимал: семье нужно выжить любой ценой, даже если ради этого приходится уходить далеко от собственного дома.

Уахит остался.

Он остался с двумя сестрами и мачехой в Карабайлы — в новом доме, который ещё не стал своим, в новой жизни, которая только начинала складываться из потерь, ожиданий и редких, почти незаметных надежд.

И где-то внутри него, среди детской памяти и слишком раннего понимания жизни, уже начинало формироваться то, что позже станет его характером — тихая стойкость человека, который слишком рано узнал цену времени, еды и человеческого присутствия.

Глава

6.

Новая жизнь в Карабайлы

Переезд в Карабайлы стал для семьи Хамзы не просто сменой места жительства, а попыткой начать жизнь заново

после тяжелых потерь, которые навсегда изменили судьбу его детей. После переезда в Карабайлы дети всё ещё тяжело переживали потерю матери, и память о Капизе долго оставалась частью их повседневной жизни. Смерть матери для Уахита это стало первым настоящим горем. Ему казалось, что вместе с матерью из дома ушли тепло, спокойствие и сама радость жизни. Долгими вечерами он вспоминал ее ласковый голос, руки, пахнувшие свежесдобитыми лепешками, и тихие колыбельные песни, которыми она убаюкивала младшую дочь.

После смерти жены Хамза остался один с тремя детьми на руках. Он старался заменить им и отца, и мать, но быстро понял, что справиться с хозяйством, заработком и воспитанием детей одному невозможно. Через год он женился во второй раз. В дом пришла новая хозяйка. Для Хамзы она стала женой, а для детей — мачехой.

Женщина оказалась трудолюбивой и спокойной. Она не делила детей на своих и чужих, хотя Уахит поначалу относился к ней настороженно. Мальчик уже был достаточно взрослым, чтобы помнить родную мать, и в душе боялся, что кто-то сможет занять ее место. Но годы шли, и жизнь постепенно сглаживала острые углы. Когда в семье родился сын Бекболат, в доме снова зазвучал детский смех. Кабира и Набира возились с младшим братом, а Уахит нередко качал колыбель, пока взрослые занимались хозяйством.

Карабайлы встретил их сурово. Поселок стоял среди бес-

крайней степи, где летом ветер поднимал столбы пыли, а зимой метели заметали дороги так, что порой неделями нельзя было выбраться к соседям. Люди жили бедно, добывая хлеб тяжелым трудом. Каждый день был борьбой за выживание.

Именно здесь Хамза познакомил сына с братом покойной Капизы — Байменом. Для Уахита эта встреча имела особое значение. В Баймене он словно видел частицу ушедшей матери, последнее живое напоминание о ней. Дядя был известным охотником. О нем рассказывали, что он способен по едва заметному следу определить, какой зверь прошел ночью, в каком направлении направился и сколько часов прошло после этого.

Баймен оказался высоким крепким мужчиной с обветренным лицом и внимательными глазами степняка. В первый же день он долго расспрашивал племянника о его жизни, об охоте и о капкане, который когда-то подарил ему отец.

— Значит, охотником растешь, — усмехнулся Баймен. — Это хорошо. Мужчина должен уметь добывать пропитание.

Он открыл старый сундук и достал два капкана.

— Возьми. Теперь у тебя будет три. Но помни: хороший охотник ловит зверя не железом, а умом.

Уахит осторожно взял подарок. Для мальчика это было настоящее богатство. Он чувствовал себя владельцем целого охотничьего хозяйства.

С тех пор Баймен часто брал его с собой в степь. Они уходили затемно, когда над землей еще горели последние звез-

ды, а возвращались только вечером. Баймен учил его замечать следы лисиц, корсаков и зайцев, правильно ставить капканы, выбирать место возле нор и водопоев. Постепенно Уахит становился настоящим помощником взрослых охотников.

Но жизнь вновь готовила семье испытания.

Работы в Карабайлы почти не было. Хамза перебивался случайными заработками, ремонтировал сараи, помогал на заготовках сена, нанимался пастухом, однако денег катастрофически не хватало. Семья росла, маленькому Бекболату требовалась одежда и еда, а впереди была долгая зима.

Вечерами Хамза подолгу сидел возле керосиновой лампы и молча смотрел на огонь. Его новая жена понимала, о чем он думает, но не решалась первой начать разговор.

Однажды он все-таки сказал:

— Надо ехать в Астрахань. Здесь работы нет. Если останусь, семье будет тяжело.

Жена лишь вздохнула.

Она понимала, что другого выхода нет.

Через знакомых Хамза договорился с одним заготовщиком, который обещал присматривать за семьей и помогать детям в его отсутствие.

Утром отъезда вся семья вышла проводить его.

Мачеха держала на руках маленького Бекболата. Кабира и Набира стояли рядом. Уахит, которому уже приходилось чувствовать себя взрослым, молча смотрел на отца.

Хамза подошел к сыну и положил тяжелую ладонь ему на плечо.

— Теперь ты старший мужчина в доме, — сказал он. — Помогай сестрам, помогай матери. Слушайся Баймена. И не ленись работать.

Уахит серьезно кивнул.

Он уже понимал, что детство заканчивается намного раньше, чем хотелось бы.

Через несколько минут отец сел на лошадь и тронулся в путь. Семья долго смотрела ему вслед. Сначала был слышен перестук копыт, потом всадник превратился в темную точку среди степи, а затем совсем исчез за горизонтом.

Уахит еще долго стоял неподвижно.

Тогда он не знал, что впереди его ждут месяцы тяжелого труда, самостоятельности и ответственности за младших, а подаренные Байменом капканы вскоре станут одним из главных источников пропитания для всей семьи.

Глава 7.

Волчий след

Зима в Карабайлы выдалась суровой. Снег укрыл степь плотным белым покрывалом, а ночные морозы сковали льдом мелкие озера и протоки. Для семьи Уахита это было тяжелое время. Отец находился далеко, на заработках в Астрахани, а дома каждая добыча могла стать подспорьем для семьи.

Однажды ранним утром Уахит отправился проверять капканы. Небо еще только начинало светлеть, а над степью тянулся сизый морозный туман. За плечами мальчика висел мешок, в руках была палка, которой он разгребал снег возле ловушек.

Подойдя к одному из капканов, он остановился.

Капкана не было.

Уахит растерянно осмотрелся по сторонам.

— Украли... — с досадой прошептал он.

Капкан был дорогой вещью. Его подарил дядя Баймен, и потерять такую ценность означало лишиться возможности добывать зверя.

Но вскоре мальчик заметил на снегу тонкую полоску крови.

Он присел на корточки и внимательно рассмотрел след.

Кровь тянулась дальше, в сторону густых камышей.

Сердце забило сильнее.

Уахит пошел по следу.

Шаг за шагом он продвигался вперед. Кровавые пятна становились чаще. След уходил все дальше в заросли. Примерно через тридцать метров мальчик увидел серое тело.

Перед ним лежал крупный степной волк.

Передняя правая лапа была крепко зажата в капкане. Цепь, которой крепилась ловушка, волочилась рядом по снегу. Зверь, пытаясь вырваться, протащил капкан далеко от места установки.

Увидев человека, волк поднял голову.

Желтые глаза вспыхнули злостью.

Он оскалил клыки и глухо зарычал.

Уахит невольно отступил назад.

Даже раненый волк оставался опасным противником. Но мальчик быстро понял, что сил для нападения у зверя уже почти не осталось.

Не теряя времени, он бросился бежать к Баймену.

Три километра по глубокому снегу показались бесконечными.

Запыхавшись, он добрался до дома дяди.

В это время Баймен сидел за дастарханом вместе со своей семьей и собирался обедать.

— Дядя! Волк попался! Большой волк! — выпалил Уахит, едва переводя дыхание.

Баймен внимательно выслушал племянника.

Не спеша доел обед, вытер руки и только после этого поднялся.

Мальчик стоял рядом голодный и уставший, но приглашения к столу так и не получил.

Баймен словно не замечал этого.

Он взял свое старое кремневое ружье, огниво и сошник, вышел во двор и вывел из стойла коня.

Оседлав лошадь, охотник посмотрел на племянника.

— Показывай дорогу.

Сам Баймен ехал верхом, а Уахит шел пешком впереди,

прокладывая путь через снег.

Через некоторое время они добрались до камышей.

Волк по-прежнему лежал на прежнем месте.

Услышав людей, он попытался подняться, но лишь слабо дернулся и снова упал на снег.

Охотник спокойно слез с коня.

Установил сошник.

Положил на него тяжелое ружье.

Долго и внимательно целился.

Наступила тишина.

Затем раздался выстрел.

Грохот раскатился над заснеженной степью.

Густое облако порохового дыма на мгновение скрыло охотника.

Когда дым рассеялся, волк уже не двигался.

Он подошел к зверю и убедился, что тот мертв.

Затем достал нож и принялся за работу.

Снимать волчью шкуру он умел быстро и аккуратно.

Уахит внимательно наблюдал за каждым движением.

Когда работа была закончена, Баймен неожиданно протянул шкуру племяннику.

— Забирай. Это твоя добыча.

Для мальчика это был бесценный подарок.

Волчья шкура стоила хороших денег.

Тушу волка они разделили пополам.

Одну половину Баймен оставил себе, другую отдал Уахи-

ту.

Обратная дорога показалась мальчику легче.

На душе было радостно.

Впервые в жизни он добыл крупного хищника.

Вернувшись в аул, Уахит принес мясо домой.

Мачеха удивленно покачала головой, увидев добычу.

А спустя несколько дней мальчик продал волчью шкуру заготовителю.

Полученных денег было немного, но для семьи, жившей в постоянной нужде, каждая монета имела значение.

В тот вечер, лежа на своей постели, Уахит долго не мог уснуть.

Перед глазами стояли желтые волчьи глаза, заснеженные камыши и облако дыма после выстрела.

Он чувствовал себя взрослее.

И впервые понял, что охота — это не только добыча и заработок, но еще и ответственность, терпение и умение не терять голову даже тогда, когда перед тобой лежит опасный хищник.

Глава 8.

Когда погас очаг

Весна пришла в Карабайлы раньше обычного. Снег быстро сошел с пригорков, обнажив серую прошлогоднюю траву, а вскоре на прогретых солнцем местах появились первые зеленые ростки. По низинам зазвенели ручьи талой воды, над степью потянулись косяки возвращавшихся птиц, и сама природа словно пыталась убедить людей, что тяжелая зима осталась позади. Но для жителей аула приход весны не означал облегчения. Голод по-прежнему оставался главным хозяином степи. Люди уже давно перестали говорить о будущем и мечтать о достатке. Каждый новый день воспринимался как еще одна маленькая победа над нуждой и смертью.

В один из мартовских дней в дом Шалекеновых неожиданно приехали родственники покойной Капизы из Оренбурга. Их появление стало настоящим событием не только для семьи, но и для соседей, потому что в те годы любая дорога была связана с опасностью, а дальние поездки совершались лишь по самым важным причинам. Родственники привезли немного муки, несколько лепешек, сушеное мясо и другие продукты. По меркам сытых времен такой подарок показался бы скромным, но в голодном 1933 году это было настоящее богатство. Вечером долго сидели за дастарханом, вспоминали Капизу, говорили о родных местах, о трудной жизни, которая выпала на долю людей по обе стороны степи, спрашивали детей о том, как они живут после смерти мате-

ри. Особенно внимательно гости смотрели на Кабиру. За последние годы она сильно изменилась. Детская округлость лица исчезла, взгляд стал серьезным и задумчивым, а в ее движениях уже чувствовалась взрослая сдержанность человека, который слишком рано узнал цену человеческому горю.

Через несколько дней гости начали собираться в обратную дорогу. Во дворе уже стояла запряженная подвода, мешки были уложены, лошади нетерпеливо перебирали копытами, словно торопя хозяев. И вдруг произошло то, чего никто не ожидал. Кабира выбежала из дома и, подбежав к родственникам, разрыдалась так сильно, что несколько минут не могла произнести ни слова. Затем, захлебываясь слезами, она стала просить, чтобы ее забрали с собой в Оренбург. Она повторяла это снова и снова, словно боялась, что ее не услышат.

Во дворе воцарилась тяжелая тишина. Хамза нахмурился и строго окликнул дочь, но Кабира продолжала плакать. Она говорила, что больше не может жить в постоянном страхе и голоде, что устала смотреть на страдания близких и хочет уехать туда, где, возможно, жизнь окажется хоть немного легче. Хамза долго молчал. Перед ним стояла уже не маленькая девочка, а взрослая девушка, пережившая смерть матери, голод и тяжелые годы лишений. Он понимал, что удерживать ее силой не имеет права. Наконец отец тяжело вздохнул и сказал, что если судьба дает ей шанс на другую жизнь, то он не станет препятствовать. Кабира бросилась ему на шею и заплакала еще сильнее. Так старшая дочь покинула родной

ДОМ.

Уахит долго смотрел вслед удалявшейся подводе, пока она не растворилась в весенней дымке. Ему казалось, что вместе с сестрой уезжает часть их семьи, часть прежней жизни, которая уже никогда не вернется.

Прошло совсем немного времени, и Хамза тоже начал собираться в дорогу. Работы в Карабайлы почти не было, а семье нужно было как-то выживать. Единственной возможностью заработать оставались рыбные промыслы Астрахани. Накануне отъезда он долго разговаривал с Уахитом, который за последние годы заметно повзрослел.

— Теперь ты остаешься за старшего, — сказал отец. — Береги Набиру, помогай по хозяйству и помни, что мужчина отвечает за своих близких. Что бы ни случилось, не падай духом.

Уахит молча кивнул. Он уже привык к тому, что взрослые разговаривают с ним как с равным и возлагают на него обязанности, которые обычно несут мужчины.

После отъезда Хамзы в доме остались Уахит, Набира, мачеха и трехлетний Бекболат. Потянулись тяжелые дни. Каждое утро начиналось с мысли о том, где найти еду, а каждый вечер заканчивался тревогой о завтрашнем дне. Чтобы помочь семье, Уахит почти ежедневно уходил в степь проверять капканы, которые когда-то подарил ему дядя Баймен.

Однажды он ушел с самого утра. Весенний ветер свободно гулял по степи, разгоняя облака, а высокое голубое небо казалось бесконечным. В тот день удача была на стороне маль-

чика. В двух разных капканах он обнаружил крупных степных зайцев. Для семьи, жившей впроголодь, такая добыча была настоящим подарком судьбы. Обрадованный Уахит перекинул добычу через плечо и отправился домой.

Обратная дорога оказалась долгой. Солнце уже давно скрылось за горизонтом, когда он подошел к своему аулу. Обычно еще издали был виден слабый огонек керосиновой лампы, который светился в окне их дома, словно маленькая звезда среди ночной степи. Но в этот вечер никакого света не было. Дом стоял темный и безжизненный.

Тревога мгновенно сжала сердце мальчика. Он ускорил шаг, затем почти побежал. Подойдя ближе, заметил, что дверь слегка приоткрыта. Внутри царил непривычная тишина. Не слышалось ни голосов, ни детского плача, ни звона посуды.

Осторожно войдя в дом, Уахит почувствовал холод. Очаг давно погас. В темноте слышались лишь тихие всхлипывания, доносившиеся из дальнего угла.

— Уахит... Уахит...

Это была Набира.

Он быстро подошел к сестренке и увидел, что она сидит прямо на полу, обхватив руками колени. Девочка дрожала от холода и плакала.

— Что случилось? — спросил он, обнимая ее.

Набира подняла заплаканное лицо.

— Я проснулась... а никого нет...

— Где мама? Где Бекболат?

Девочка снова всхлипнула.

— Не знаю... Когда я проснулась, я лежала прямо на полу. Матраца подо мной уже не было. Одеядло тоже исчезло. Их забрали...

Уахит медленно поднялся и осмотрел дом. Даже в темноте было видно, что вещей стало значительно меньше. Исчезли узлы с одеждой, не было постелей, пропали некоторые домашние вещи.

Постепенно страшная правда стала очевидной.

Мачеха покинула дом вместе с Бекболатом. Она не оставила ни записки, ни объяснений. Просто исчезла из их жизни навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.